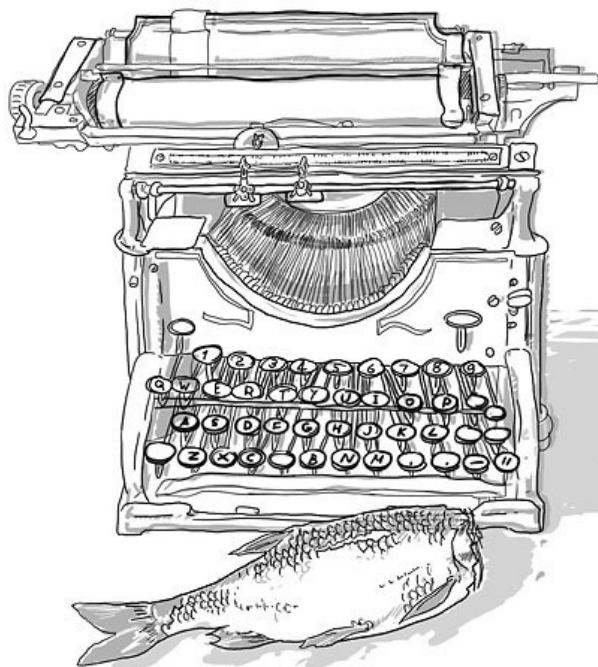

Алексей Серов

Рыба без головы

Алексей Викторович Серов

Рыба без головы (сборник)

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6036067

Рыба без головы: Издать Книгу; М.; 2013

Аннотация

В свои двадцать три года, я знаю очень мало. Например, я так и не понял, попадают ли кошки и собаки куда-то после смерти? Испытывают ли они «Чувства»? Что играет большую роль: имя автора или его талант? И многое другое.

Известно мне немного, но из этого немногого, я могу заключить, что рыба, а в частности, рыба без головы – есть символ отчаяния и первозданного горя. Она, будучи всю свою недолгую жизнь в постоянном и неустанном движении, безо всякой цели и причины, в одночасье теряет голову.

Будучи постоянно занятой лишь движением своего плавника и рта, она проживает совершенно глупую и по-настоящему бессмысленную жизнь.

Содержание

От автора	4
Эскалатор. Рассказ	5
Рудименты. Повесть	19
Пишущая машинка (благодарности)	20
I	21
1	21
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Алексей Викторович Серов

Рыба без головы

От автора

В свои двадцать три года, я знаю очень мало. Например, я так и не понял, попадают ли кошки и собаки куда-то после смерти? Испытывают ли они «Чувства»? Что играет большую роль: имя автора или его талант? И многое другое.

Известно мне немного, но из этого немногого, я могу заключить, что рыба, а в частности, рыба без головы – есть символ отчаяния и первозданного горя. Она, будучи всю свою недолгую жизнь в постоянном и неустанном движении, безо всякой цели и причины, в одночасье теряет голову.

Будучи постоянно занятой лишь движением своего плавника и рта, она проживает совершенно глупую и по-настоящему бессмысленную жизнь.

Спасибо.

Серов Алексей Викторович.

Эскалатор. Рассказ

Весь вечер_{ТЫ}
ТЫКАЛА

В СПИНУ,
КОСТЛЯВЫМ_{СВОИМ}

«ТЫ».

Урчала_{МНЕ}
НЕЖНО

рыба,
Рыба
~

Врач смотрел на меня с недовольством.

Он думал, что я либо вру, либо снова пытаюсь сменить тему. Его старомодные очки в белой, пластмассовой оправе падали на кончик носа и он небрежно их поправлял.

– И что же? Что это меняет?

– Многое. Мне стоит выполнить свое дело, хотя бы ради него. – Сказал я и стал ждать реакции.

– Ах, ваше дело... – затянул он с укором. Он хотел спросить меня из простого человеческого любопытства, что это за дело – лежать весь день в одинокой комнате, но, то ли от того, что его окликнули из коридора, то ли от того, что он вспомнил, что я больной – поспешил выйти, не задавая более никаких вопросов.

В голове у меня все путалось. Мысли накладывались одна на другую, кружили около моей головы и, толкаясь, влезали внутрь. Временами, правда, им становилось отвратительно в пустой, глупой моей черепушке и они так же поспешно, не прощаясь и не формируясь до конца, выбегали прочь.

В коридоре, прямо у входной двери, стоял мой дядя и давал команды молодому врачу. Из своего угла комнаты я слышал прекрасно каждое слово.

– Вы бы присмотрели за ним. – Говорил дядя. – Мы не можем его с собой взять. Нужно будет много разъезжать. Придется его оставить здесь.

– А как же я? – возмущенным тоном спрашивал тот, молодой, что только что со мной беседовал.

– Вас мы тоже здесь оставим. Ну, вы не переживайте! Вам здесь сохраннее будет.

– Ну как же так! Вы меня здесь бросаете, когда под окнами... – он посмотрел в окно, на его счастье, неподалеку раздался выстрел, и он смог горячо прокричать, указывая в сторону грома, разливающегося по стенам домов, – война!

– Никакая там ни война. Вы, голубчик, не знаете, и я не знаю, что это, и как долго продлится. Известно только, что вас мы подставлять никак не можем. Вы очень талантливый врач, и потому лучше вам посидеть здесь, в безопасности.

– Ох... – лишь просипел молодой.

– Все будет хорошо, – улыбнулся дядя, – И еще: не отвязывайте его. – Сказал он и указал на меня, лежащего на кровати. – Ни он, ни я, вам спасибо за это не скажут. Все ясно?

– Вполне. – Грустно ответил молодой. Я даже хотел оскорбиться. Правда, мы так много времени провели вместе. Он постоянно приходил, что-то расспрашивал. Несколько раз даже приходил с коллегами по университету, рассказывал обо мне, думая, что я ничего не слышу. Закрывался с ними в своей комнате и говорил, что я больной. Потом была особенно смешно видеть лица коллег, пробежавших мимо меня в туалет или на кухню: на бегу, делая вид, что вовсе на меня и не смотрят, а просто идут мимо, косятся на мою кровать. Дядя говорил им, что я – чокнутый.

Но! Я не оскорбился. И никогда не оскорблялся. Я знаю, что в глубине души он поверил мне и теперь, к сожалению,

начал пугаться меня. С самого первого дня Волнений на улицах, когда люди только кричали, собравшись, еще ничего не разбивая и не взрывая, дядя пришел в мою комнату. Он стоял в дверях, не издавая ни единого звука. В тишине, создавшейся в ту минуту, я отчетливо слышал его беспокойное дыхание. Именно в ту минуту он засомневался: на самом ли деле я сумасшедший. В душе я ликовал, как ликую и сейчас, от одной мысли, что мне поверили. Хотя, по большому счету, это не так важно. Всего важнее мое дело.

Молодой врач проводил дядю. Он медленно шагал вслед за ним по коридору, периодически вздыхая, словно хотел что-то сказать. Я прокричал «до свиданья», но в ответ услышал только, как шаги его ускорились и кабуки черных, кожаных туфель унесли его прочь.

Врач, брошенный своим знакомым, прошел мимо моей комнаты, заглянул внутрь. Это привычка ординатора, оставшегося в смену одному – еще раз осмотреть всех бегло и напомнить, что сегодня дежурит именно он.

– Мы с вами вдвоем остались. – Сказал я.

– Это ненадолго. – Ответил врач. – Скоро все кончится и пациентов вернут на свои места.

– Ничего не кончится. Все будет только хуже. – Сказал я. – вы разве не видите, что с каждым днём все хуже. Вчера она громили магазины, магазины кончились, и они принялись громить дома. Скоро кончатся и дома.

– Хватит. Не волнуйтесь, все будет хорошо.

Он сам не верил ни единому своему слову. Он говорил эти вещи как факт, как нота бэнэ. Но сам в них не верил. Ох, как тяжело же ему придется. Он будет сидеть в дядиной комнате, и его счастье, если там найдется любимый дядин коньяк, так ему будет хоть немного легче.

– Я еще проверю вас, – сказал врач и прошел в дядину комнату.

Бедный, бедный доктор. Наверное, он еще слишком молод для этих вещей. Для правды, для борьбы за нее. Вероятно, он сам еще не укрепил в себе веру и силы. Вот и несладко же ему будет. А самое дурное во всем этом, знаете ли, то, что ведь он так и умрет в сомнении.

Сколько раз я предрекал своим родным, как будут развиваться события. А они продолжали смеяться надо мной и кормить, привязывая к кровати. Я говорил им, что Зло, самое настоящее Зло в чистом виде выйдет на улицы и начнет свои черные, мерзкие дела. Что сперва это будет простым дебошем, бесчинствами, а потом польется много крови. Потом все умрут, вне зависимости от того, верят они мне или нет. Единственное спасение, не переставал говорить им я, моя миссия.

А врач умрет в сомнении – а это страшнее всего. Умереть от ножа в переулке или от гриппа – не так страшно.

Но когда ты не знаешь, правду ли говорит человек в соседней с тобой комнате, если правду – то вы спасены, но ес-

ли врет, то умрете. Вот это страшно. Я прекрасно его понимаю. Это вполне понятный и естественный процесс, сомнения. Вот только сейчас для него времени нет.

* * *

Молодой врач пытался перебирать бумаги, которые принес с собой, но все валилось из рук. «Мне нужно просидеть здесь всего пару дней и все будет кончено». Врач услышал себя и вздрогнул от того, какие именно слова пришли ему на ум в ту секунду. «Все будет кончено» – он начал оправдываться, что мол, «кончено, для воюющих, придет, наконец, армия или полиция и поставит их на место».

В комнате было тихо и за окном лишь изредка раздавались крики разъярённых людей. То и дело, кто-то из них скандировал «Давай внутрь!» и все бросались в подъезд, и было слышно, как из квартир, на лестничные проемы выталкивают людей. Слышно как те, кричат от боли, пока их избивают. Крики быстро стихали, удаляясь бесконечным эхом в голове молодого врача. Никто не искал цели что-то украсть из квартир. Ровным шагом, убийцы шли с пустыми руками, по локоть окунув их в кровь.

Врач подошел к окну и осторожно, через приоткрытую штору посмотрел во двор. Он насчитал тридцать шесть человек.

Собравшиеся, как заметил врач, были крайне возбужде-

ны: не могли найти себе место, часто дышали. Они вытирали кровь с кулаков о куртки и горячо рассуждали о твердости черепов жильцов этой улицы.

В дядиной комнате оказался коньяк. В подарочной упаковке он стоял у окна, на подоконнике. Выпив несколько стаканов залпом, врач уснул.

* * *

Я совершенно отвык спать без таблеток. Обычно, мне давали их как раз в это время, и я спал беспробудно и спокойно. Сестра, что ухаживала за мной вплоть до собственной гибели, брат, сбежавший от меня при первой же возможности, теперь дядя – все давали мне лекарства в определенное время. Сегодня мне придется всю ночь слушать, как прямо под моим окном орудуют группы этих мародеров и терзать себя мыслью, что я никак не могу это остановить.

Дядя просто не смог бы находиться со мной так близко остаток дней. Я бы каждую минуту без усталости твердил ему, что я прав. Это точно. Я не смог бы удержаться. Он бы слушал меня до тех пор, пока не сдался, и не отпустил восвояси. Тогда бы я все исправил.

Единственное, что доставляет мне сейчас неудобство, так это голод. Ох, как бы мне хотелось перестать его испытывать. Голод просто вреден мне, как человеку, который знает, что должен делать. А я прекрасно знаю.

Врач проснулся к обеду. Голова была пустой. Желудок гудел после коньяка.

Обнаружив себя в незнакомой квартире, врач некоторое время вспоминал, лежа пластом на ковре, что он тут делает. Убедив себя, что это не сон и не выдумка и что единственные, кто мог бы ему помочь, бросили его здесь на погибель, он пригубил еще немного коньяка. Странно, но вчера он пришел сюда, в эту квартиру за помощью. Он пришел к своему преподавателю, чтобы укрыться от царившей вокруг злости. Преподаватель любезно угостил его чаем и убедил, что остаться в квартире наедине с его безумным племянником – будет лучшим спасением.

– С вами все в порядке? – спросил он, заходя ко мне в комнату.

– Добрый день, доктор. – Улыбнулся я. – со мной все хорошо. Как вы?

– Вы голодны? – спросил доктор, сохраняя крайний формализм в голосе.

– Да. – Уже без улыбки ответил я.

– Сейчас.

Доктор принес несколько булочек с кухни и два стакана воды. Поставив все это на столик около моей кровати, он принялся отщипывать от булки большие куски и класть мне

в рот.

– Столько вы тут? – вдруг спросил врач.

– Не понял. – Ответил я, прожевывая булку.

– Привязаны, я имею ввиду. Сколько вы привязаны?

– Сколько лет я болен? Вы ведь это хотели спросить?

– Да.

– Два года.

– И вам стало лучше? – спросил врач.

– Конечно. – Ответил я.

– Какой странный ответ. – Заметил врач и жестом предложил воды.

– А чего вы ожидали? – ответил я и кивнул.

– Не знаю. Наверное, из-за всего этого переволновался, поэтому спросил.

– А вы знаете, что происходит? – уточнил я.

– Нет. Пожалуйста, не сейчас. Ладно? – умолял врач.

– Я ничего не хотел вам доказывать. Просто отметил, что все вокруг говорит о том, что я прав. Тут даже доказывать нечего. Дядя понял это и ушел. Прислал вас. Знаете почему? Потому что им тоже овладело Зло.

– О чем это вы? – безучастно спросил врач.

– Он оставил меня здесь, чтобы эти гады растерзали меня прямо так, привязанного к кровати. Но, все должно быть не так, – покачал я головой.

– А как должно быть?

– Я должен пожертвовать собой. Должен самовольно пой-

ти вниз и пожертвовать собой. Если они найдут меня вот так, – я кивнул в сторону простыней, туго pokrученных вокруг моих ног и рук, – все пропало. Тогда Зло победит. Понимаете? Я знаю, что вы понимаете. Но вы не верите мне. Вас тоже привели сюда специально.

– Дядя?

– Да. Он привел вас, потому что вы не поверите мне. Вы хотите стать успешным психиатром, может быть, открыть частную клинику, поэтому вы не станете идти на поводу у меня. Дядя поверил. А вы, всего лишь сомневаетесь, а этого мало.

– Я верю вам. – Он даже не слушал меня. Вычленил из моих слов только вопрос, ответил на него и продолжал отрывать куски булки, после складывая их мне в рот.

* * *

Солнце скользило по комнате, не задерживаясь особенно, ни на чем. В наступившей тишине, движение моих челюстей особенно выделялось. Врач что-то спрашивал о моей семье, но мне не хотелось отвечать. Я сказал только, что отец велел мне выполнить мое предназначение и отправил меня сюда, в это место. Отец велел мне принести себя в жертву. Врач, конечно, не стал понимать это буквально, связывая воедино, и профессионально структурируя мой бред. Ему казалось, что это самый, что ни на есть, правильный шаг.

– А ваша семья? – спросил я его.

– С ней все в порядке. – сухо улыбнулся врач.

– С ней? – переспросил я.

– С семьей, я имею в виду.

– Я подумал, вы говорите о женщине.

– Нет, о семье.

– А как же они? Они ведь погибли, так же, как и все. Вся ваша семья.

– Никто не погибнет! – вспылил врач.

– Ладно. – Не было смысла сейчас переубеждать его. Нужно было время, чтобы он поверил мне. К сожалению, времени не было.

* * *

Во дворе снова собрались люди. Врач начал волноваться, услышав, что они стоят прямо под нашим окном. Очень громко что-то обсуждая, они передавали бутылку из рук в руки, споря о том, кто будет бросать.

Человек в кожаной куртке вырвал бутылку из рук одного из толпы, поджог ткань, вставленную в горлышко, и бросил прямо в окно нашей комнаты.

Врач следил, не отрывая взгляда, за траекторией полета бутылки. Что-то внутри него подсказывало, что бутылка упадет точно в окно, но он все смотрел, за тем, как она летит,

словно комета с огненным хвостом.

– Уходите оттуда! – крикнул я врачу.

Встреपеноувшись, доктор бросился к моей кровати и стал двигать ее к выходу.

Бутылка разбилась о стекло, охватив его прекрасным огненным приливом. Откинув голову, я смотрел с удовольствием, как огонь постепенно, переходит внутрь комнаты.

Кровать оказалась слишком тяжелой и единственное, что оставалось врачу – это отвязать меня.

Он взялся за одну простынь, что держала мою правую руку, и посмотрел пристально мне в глаза.

– Не сейчас. Я сделаю это не сейчас. – Успокоил я врача.

Услышав то, что хотел, доктор отвязал все простыни, скручивавшие мои руки. Для него все узлы были знакомыми, тысячу раз, он видел такие на своих пациентах, на пациентах своих преподавателей, в учебниках. Огонь уже подступал к моей кровати.

– Доктор! Помогите! – кричал я врачу.

Он, верно, забыл, сколько я пролежал без движений, потому безо всякой мысли бежал прочь из комнаты. Услышав меня, он вернулся и взял меня под руку.

Медленно, осторожно, мы выбрались в дядину комнату. Врач закрыл за мной дверь. Мы оба, в этом я точно уверен, понимали, что все кончено. Теперь-то, он не сможет отрицать ничего.

– Вы же понимаете, что это конец? – спросил я, с огромной болью разминая руки и ноги.

– Ничего не кончено. – Тяжело проговорил врач. – Ничего.

– Через пару минут, мы сгорим. Я должен к ним выйти, – мне не пришлось кричать, я говорил спокойно, полагаясь на его рассудительность.

– Что изменится от вашей смерти? Поймите, вы так уверены в этом, потому что вы не в себе... – вдруг оборвал себя на полуслове врач.

– А я думаю иначе. Понимаете, это моя миссия – спасти вас, всех вас и моего отца от Зла. Зла, которое уже пустилось в охоту за мной.

– Нет. Они громят все! – спорил врач.

– Но ведь, они не знали, что мы здесь? Они же не забрасывают такими бутылками все дома! – кричал я.

Врач замолчал. Снова, так же, как и вчера, когда он ушел в комнату, он начал сомневаться.

Свет плавно плыл из окна, под углом. В комнате, несмотря на это, было темно. Одна только полоска света освещала часть ковра и делала явной пыль, пляшущую в воздухе.

На мгновение мне захотелось толкнуть врача и показать на это окно и на свет. Тогда он понял бы меня и то, ради чего

мне была дана эта миссия.

Я знал, что мне нужно сделать. Так же отчетливо как в тот день, когда мне пришло озарение о грядущем Зле. Я понял, что мне сейчас сделать.

Аккуратно сняв майку, корчась от боли в руках, я скрутил ее, вытянув за концы, и набросил на шею врача. Его глаза резко открылись и он начал задыхаться, руками пытаясь оттолкнуть меня. Через минуту-две, он перестал дышать.

Мое сердце колотилось. Мне пришлось вылезти из окна. Спустившись по запасной лестнице, я увидел человек тридцать пять. Они ждали меня. Хотели застать врасплох, собравшись у главного входа. Они даже не видели меня, я обошел их со спины.

– Эй. – Сказал я негромко.

Они обернулись. Руки их были по локоть в крови, а глаза безобразно бегали, цепляясь за все, пока еще, живое.

Рудименты. Повесть

Я бежал за тобой
репродукторами,
Одно и то же крича,
Одно и то же:
«Я прошу, не водись
с придурками,
Я в ответ обещаю
то же».

Пишущая машинка (благодарности)

Даша хоть и считает машинку моей любовницей, бдительно следит, чтобы страниц этак 5 в день были готовы, и чтобы при этом ничто не мешало процессу. За это я дарю ей слова благодарности.

Мои немногочисленные, но близкие до атомов, друзья, которые, надрываясь, несли пишущую машинку мне в подарок, что хоть и было преисполнено шуткой, явилось величайшим признанием. Спасибо Вам.

Мои Мама и Папа хранили машинку в минуты тяжелейших мук – это стало главным признанием. Огромное спасибо Вам.

Моя кошка, пристрастившаяся вырывать напечатанные листы, а это тоже что-то да значит. Мур.

Спасибо. Без вас мне и строчки не написать: Стас, Рената, Антон, Даша, Паша, Настя, Саша, Эдик, Даша Б., мама, папа.

I

1

Я сидел в небольшом кабинете с зарешеченными окнами и писал заявление. В другом конце коридора был мой единственный новоиспеченный коллега. У меня тряслись руки, а в желудке творилась странная суета. Хотелось спать.

* * *

Вчера, в шесть или семь часов вечера, мне позвонил знакомый и спросил, не хочу ли я поработать. По телевизору в тот момент шла передача о богачах, купающихся в шампанском. Я на них страшно злился.

Что это за работа, знакомый мне говорить не хотел, да и сам не знал толком. Сказал только, что платят вовремя и, вроде бы, по специальности. Он сказал «Работа хорошая, зарплата исправная». У меня вырвался смешок на обилие «р» у картавого собеседника, но я сдержался.

Из соседней комнаты доносились крики отца и матери. Они сердились друг на друга за что-то малозначительное.

– Хорошо, я согласен, – сказал я знакомому, поглядывая то на телевизор с богачами, то на комнату с родителями.

В тот момент мне казалось, что нет ничего ясного, от того и нет ничего сложного или простого, и что нет такой работы, которая могла бы не устраивать. Мне казалось, что на любой работе можно найти свои плюсы, ну и «бла-бла-бла».

В тот момент мне вообще много чего казалось.

А утром у меня заболел живот. Еда в рот не лезла, но мать настояла, чтобы я поел. Сказала, что весь день еще на работе голодом буду сидеть.

– Так я же только узнать про работу! – спорил я.

– А может, тебя сразу и устроят! Здорово же будет, правда?

Отчего-то она была очень радостной. Она гладила мне рубашку и джинсы, пела при этом песни. А мне было не ясно, что же тут такого веселого?

Мне пришлось поторопить ее с глажкой, хоть и не очень хотелось. Я оборвал ее на полуслове очередного шлягера, сославшись на автобус. Порхая, она дала мне рубашку, джинсы и вернулась в кровать. Ей можно было поспать еще полтора часа.

В своей комнате я открыл окно и вместе со звуками, свежестью и приятной прохладой, квартира постепенно наполнялась утром. Несколько минут я стоял неподвижно, кажется, даже с закрытыми глазами, то ли уснув, то ли просто наслаждаясь медленными и ровными глотками чего-то нового. Меня разбудила мать, вернувшаяся, чтобы «еще раз поцеловать тебя и сказать, какой ты у меня молодец, что устраива-

ешься на работу».

Мне было не по себе. Открыв глаза и обернувшись посмотреть на мать, я снова подумал о ее радости. Затем, резко оборвав собственную мысль, я почувствовал изжогу и вышел в коридор. За несколько секунд завязал шнурки, сказал, что постараюсь произвести хорошее впечатление и вышел.

Мать закрыла за мной дверь. Пока я спускался, пальцы безо всякой команды, выудили из кармана сигареты, спички, и, выйдя на улицу, я закурил.

Прекрасное спокойное утро. Деревья чуть поблескивали от восходящего солнца, и каждая веточка на фоне сиреневого неба казалась чрезвычайно контрастной и наведенной на самую верную резкость. Остановившись у подъезда с сигаретой в зубах, я смотрел на высокие тополя, верхушками щекотавшие балконы двух соседних пятиэтажек, что выставлены лицом друг к другу. Белые у основания деревья медленно покачивались под прохладным ветром, еле слышно вздыхая. Глядя на их мерный сон, и улыбаясь, я медленно шел на остановку.

Знакомый сказал мне, что нужно доехать до «Светланы» и немного пройти по дворам. На словах все выходило крайне просто:

– Там через дворы пройти до углового дома, за него свернуть по дороге, но можно и прямо, а потом налево до киоска. Потом в здание бывшего детского сада... – я насчитал шесть «р», но так и понял куда идти. Пришлось переспрашивать.

За остановкой «Светлана» оказалось пять детских садов, из которых четыре – различного профиля организации.

Следуя схеме, я прошел от остановки через дворы, до углового дома, за него не свернул, а пошел прямо и налево до киоска. За киоском стоял серый, обнесенный забором детский сад. Конечно, бывший детский сад.

За парадной дверью, шагах в двадцати, сидела толстенная баба. С ног до головы изучив меня, она заключила:

– Нечего тут ходить. – Злобно так посмотрела из под очков.

– Я насчет работы.

– Какой еще работы? – толстенная баба сдвинула очки в красной пластмассовой оправе на переносицу, и посмотрела на меня еще строже.

– Видите ли, я не знаю, туда ли я пришел. – Я крутился на месте под тяжестью ее взгляда.

– Если не знаешь, зачем тогда говоришь, почему пришел? – Бессмыслица какая-то.

– Скажите, пожалуйста, это Пионерский 30? – я потянулся в карман за бумажкой с адресом, чтобы сверить названный адрес.

– Нет. – Толстенная баба в ту же секунду потеряла ко мне всякий интерес.

– Тогда до свиданья.

На улице я утешал себя мыслью о том, что такое может случиться с каждым. «И в этом – говорил я себе – нет ничего

дурного или постыдного. Люди имена путают, числа, а тут всего лишь адрес».

Чуть взволнованный я шел обратно на остановку, чтобы восстановить маршрут и понять, где я совершил ошибку.

«От уголовного дома можно свернуть и пройти по дороге».

Солнце с высоты миллиона километров плавало мои волосы. Подмышки вспотели, что выбивало меня из колеи. Было неприятно опускать руки вдоль туловища, рубашка собиралась и отдавала влагой.

Остановившись, я глупо вертел головой. Киоск, до которого я дошел, был точной копией предыдущего. Здание бывшего детского сада не отличалось от того, что я видел прежде, и было обнесено точно таким же забором из тонких железных прутьев, слитых в решетку.

У входа в здание, на этот раз, было много народу. Все курили и часто смотрели на часы. Пройдя мимо них, приблизившись к парадной двери, я отдернул рукав рубашки и посмотрел на часы – 8.25.

Крупный парень с большим животом посмотрел на меня с уважением, словно я сделал что-то, что отличало их компанию и в чем они видели эталон смелости и чести. Я кивнул ему, как сделал бы это ковбой или рыцарь, медленно и не останавливаясь, лишь слегка замедляя шаг, и открыл парадную дверь.

Недалеко от входа стоял письменный стол, а на нем настольная лампа. Девушка лет двадцати пяти, заведя меня,

оторвалась от работы и произнесла тонким, тихим голосом:

– Мы еще закрыты. Рабочий день с 8.30. – из ее уст это звучало волшебным. За двадцать шагов, что нас отделяли, смысл ее слов под действием пьянящей магии тонкого голоса перевернулся и предстал для меня, как «Давай, сбежим отсюда. Давай, унесемся на катере или на гондоле куда-нибудь очень далеко. Давай, улетим на марс вместе. Только подожди до 8.30».

– Да я хотел спросить просто. Я насчет работы и не знаю куда обратиться.

– Почему я не согласился на ее уговоры выкрасть ее? Честно, я просто надеялся, что мои слова тоже как-нибудь видоизменятся за двадцать шагов.

– Наверное, вы не туда попали. А вам какая организация нужна? – в ее голосе, на этот раз, звучало разочарование.

– Я только адрес знаю: Пионерский 30.

– Нет, не то, к сожалению. – И девушка улыбнулась.

Свет от настольной лампы падал сбоку, заостря кончик ее носа. Признаюсь, в тот момент я подумал, что никогда больше не встречу в своей жизни девушки с таким краешком носа.

И мне хотелось бесконечно смотреть на ее улыбку, на то, как она, раскрасневшись от моего навязчивого присутствия, листает газету. На то, как она встает за кофе и как свет настольной лампы медленно ее отпускает, перетекая по лицу и одежде. На то, как она протягивает парню с большим живо-

том, вышедшему из-за моей спины, журнал для регистрации.

Теперь, когда я это пишу, когда смотрю на слова, что выбрал, вижу их переплетение между собой на листе – они кажутся мне избитыми и услышанными уже где-то ранее. Поверьте, в то самое мгновение истинным моим желанием было стать желтым светом настольной лампы этой девушки. Я хотел, чтобы несколько раз в день это создание будило меня для того, чтобы я медленно скользил по ее одежде и чертам лица, наслаждаясь краешком ее носа. И конечно, никого кроме меня, для нее бы не существовало, а она сама даже и не знала бы обо мне.

– Простите. – Запинаясь от долгого молчания, проговорил я, подходя к ее столу все ближе.

– Да? – она снова мне улыбнулась, наверное, радуясь, что я истолковал первые ее мысли о похищении правильно, и что они трансформировались под верным углом и расстоянием в двадцать шагов.

– Я хотел бы стать... – на мгновения я задумался. В следующее – развернулся и убежал.

– Она что-то говорила мне вслед, но угол и расстояние были совершенно неверными и слова ударялись мимо, пролетая словно снаряды, пущенные наотмашь. Все, кто стоял на улице и курил, и поглядывал на часы, уже разошлись по своим кабинетам, поэтому во дворе перед входом было тихо. Я встал спиной к зданию, и пальцы выуживали из кармана сигарету и спички. Жара плавил асфальт, превращая его в

черную липкую массу. Курить на такой жаре невыносимо, поэтому я стал искать подходящую тень.

По правую руку от входа были аккуратно посажены несколько тополей. Метров пятнадцать в высоту они создавали невероятно плотную тень, стоя в которой можно было на время забыть о жаре.

Мне нужно было найти место, где будет собеседование. Четыре практически одинаковых в округе бывших детских сада, и в одном из них меня ждут. К каждому из этих зданий ведет одна и та же дорога: от остановки через дворы до углового дома, за него можно свернуть, а можно пойти прямо и налево до киоска.

Я курил, наблюдая, как опоздавшие медленно заходят на работу, напоследок, окидывают взглядом тополя и щурятся солнцу.

Перед глазами у меня была мать. Она радостно гладила мне рубашку и джинсы, напевая мелодию из советского фильма о любви. Она приговаривала «Ты у меня такой молодец, сегодня ты устроишься на работу». Она целовала меня в щеку, спешно стирая влагу, оставленную поцелуем.

Некоторое время я стоял в нерешительности и странной задумчивости, вспоминая мать. Поискав взглядом урну, я щелкнул ногтем большого пальца о мякоть указательного, отправив остатки сигареты в траву. Оставалось еще два здания из четырех. В каком-то из двух меня, должно быть, ждут и уже готовят рабочее место. Знать бы вот точно в каком,

чтобы перед входом успеть посмотреть на птиц и солнце.

Перед третьим зданием моя рубашка окончательно промокла от пота. В ботинках был пожар, а джинсы то и дело липли. Я в тот момент думал о странных вещах: когда в книгах читаешь о поте, это кажется простым и до того понятным, что голова не воспринимает эти строчки и наскоро пробегает их мимо; когда же твои ботинки служат для тебя адом сорок третьего размера— восприятие несколько меняется.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.